

СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ

Воскресенье, 14-го марта 1904 года.

Страна восходящего солнца.

События шестидесятих годов прошлого столетия не на всех пунктах повернули Японию от старого къ новому, от давно извѣднаго — къ неизвѣстному. Въ одномъ случаѣ она, наоборотъ, отбросила сравнительно новое приобрѣтеніе и возвратилась къ старому. Мы говоримъ о религии.

Въ далекия времена—времена мною и устныхъ преданій—въ Японіи процвѣтала культъ Синто. Это была мало разработанная и не приведенная въ строгій порядокъ религиозная система, такая-же первобытная по своей философіи, какъ и тѣ люди, которые ее исповѣдывали. Проще всего ее можно опредѣлить, какъ культъ предковъ, обоготворенныхъ и являющихся патронами своихъ здравствующихъ продолжателей рода. Этотъ культъ мы можемъ прослѣдить у весьма многихъ народовъ, на извѣстной—достаточно низкой—степени культурнаго развитія.

Его верховнымъ представителемъ, его первосвященникомъ былъ микадо. И сіюгуны, отстраняя микадо отъ участія въ свѣтскихъ дѣлахъ правленія, находили выгоднымъ оставлять за нимъ это религиозное преимущество. И когда микадо сбѣгался, наконецъ, земнымъ богомъ—сіюгуны ничего отъ этого не потеряли.

Микадо былъ святъ и ни одинъ простой смертный не дерзалъ увидѣть его божественное лицо. Сіюгуны не считались святыми, но тѣмъ крѣпче держали они въ своихъ рукахъ земную, священную власть.

Въ VII вѣкѣ нашей эры въ Японію проникъ изъ Китая буддизмъ. Онъ пришелъ туда вместе съ китайскою письменностью, китайскою наукою, китайскимъ просвѣщеніемъ и всеобщимъ философій Конфуція. Эта новая религія пришла не по плечу широкимъ массамъ народа, которая были вполне довольны своимъ старымъ, туманнымъ культомъ Синто, но буддизмъ завоевалъ себѣ много поклонниковъ среди высшихъ, болѣе образованныхъ слоевъ. Его сторонники сбѣгались и сіюгуны.

Мирное, гуманное ученіе Сакіа-Муни не вывало столкновений кровавой распри. Обѣ религіи довольно мирно уживались одна съ другою и синтоизмъ воспользовался даже нѣкоторыми частями вѣншихъ формъ хорошо разработаннаго буддйскаго культа. И синтоизмъ не считалъ особеннымъ грѣхомъ обратиться за молитвою къ буддйскому священнику.

Громадно было значеніе буддизма, какъ проводника, переносившаго въ Японію литературу и правовые взгляды соседней страны Китая. Буддйскіе монахи привезли съ собою богатые библиотеки, состоявшія изъ китайскихъ классиковъ, воплотившихъ въ себѣ всю древнюю народную мудрость. Вліяніе живой проповѣди и толстыхъ фолиантовъ не замедлило сказаться, а въ XV вѣкѣ достигло апогея своего развитія.

Это вліяніе сказалось, между прочимъ, на положеніи женщины—и совсѣмъ не въ выгодную для послѣдней сторону. Старый Конфуцій говорить, что женщины не имѣютъ мѣста ни въ одномъ изъ трехъ мировъ: ни въ прошедшемъ, ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ,—а такое ученіе вовсе не походило на эмансипацію.

Култъ Синто былъ на этотъ счетъ гораздо снисходительнѣе. Онъ снисзоль даже до того, что призналъ великою святою полудесятилетнюю императрицу Джингу-Кого, успѣшно расширявшую предѣлы имперіи и совершившую, между прочимъ, удачный походъ на Корею.

Китайское вліяніе свело женщину на положеніе безотвѣтной самки, и приходится сознаться, что современная Японія далеко еще не успѣла избавиться отъ этого стараго предрасудка.

Отливъ все у японской женщины, китайское вліяніе дало много сильной половинѣ человѣческаго рода. И до самаго недавняго времени

японское просвѣщеніе черпало все изъ того же китайскаго источника.

Если Японія неокитаилась, мало по малу, совершенно, то притягиваетъ къ этому послужила только удивительная способность японцевъ сохранять свою самобытность даже при самыхъ не благоприятныхъ условіяхъ. Эта способность особенно ярко вырисовалась въ послѣднюю эпоху реформъ.

Немаловажную роль сыграла въ исторіи Японіи еще и третья, позже всѣхъ проникшая религія—христианство.

Принесенная католическими миссіонерами, она нашла благоприятную почву и распространилась довольно быстро. Но по самому своему существу она должна была встать въ непримиренныя

Пагода въ Токио.

отношенія къ мѣстнымъ языческимъ вѣрованіямъ, а это внесло новый расколъ въ безъ того уже не особенно мирно настроенную феодальную среду.

Цѣлыя княжества, съ даймьосами во главѣ, исповѣдывали христианство. И когда эти даймьосы боролись съ сіюгунами не только за свои права, но и за вѣру, то такой порядокъ вещей властолюбивымъ сіюгунамъ совсѣмъ не могъ нравиться.

Нѣсколько даймьосовъ отравили къ папѣ посольство, съ выраженіемъ не только преданности, но и покорности. Это обстоятельство могло-бы сыграть громадную роль въ исторіи развитія папской власти, но папа въ это время былъ занятъ другимъ и его далекая азиатская паства осталась безъ поддержки.

И язычество побѣдило. Недалеко отъ входа въ Нагасакскую бухту стоитъ среди моря небольшой, скалистый островъ, извѣстный у европейцевъ подъ названіемъ Паппенберга. Этотъ островъ хранитъ одно мрачное воспоминаніе: съ него было сброшено въ море болѣе семнадцати тысячъ туземцевъ-христіанъ.

Католицизмъ былъ подавленъ цѣною многихъ десятковъ тысячъ жизней и христианство, изчезнувшее въ Японіи съ конца XVII столѣтія, возродилось вновь только въ самое послѣднее время, и далеко уже не съ прежнею силой.

Микадо, возстановившій свою свѣтскую власть, императорскимъ эдиктомъ возстановилъ и культъ Синто, какъ государственную религію. На буддизмъ, какъ на религію оппозиціи, начали смо-

треть косо. Большинство монастырей было закрыто, ихъ богатства конфискованы, нѣкоторые великолѣпные храмы разрушены, а колокола перелиты... на пушки. Тѣмъ, не менѣе, буддизмъ не имѣетъ тенденціи къ исчезновенію и число его приверженцевъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже нѣсколько возрастаетъ...

Частные дома японцевъ представляютъ очень мало пицци для развитія таланта архитекторовъ, но этотъ талантъ имѣлъ возможность сказаться при постройкѣ храмовъ.

Храмы, по большей части, низки и не монументальны на видъ, но поражаютъ тщательностью и богатствомъ своей вѣншей и внутренней отделки.

Самые замѣчательные храмы находятся въ Киото—въ этой Москвѣ японцевъ, а также въ Никко, гдѣ погребены могуществѣннѣйшіи изъ сіюгуновъ—Иеси. Его гробница и окружающіе ее храмы представляютъ собою лучшіе памятники стараго искусства. Японцы сознаютъ это и тщательно ихъ охраняютъ.

Громадна, разумѣется, и стоимость этихъ памятниковъ, если перевести ее на злобную монету.

Ворота и внутренняя поверхность стѣнъ, сильно покрыты драгоценною живописью и скульптурой, надъ которыми трудились лучшіе художники. И европейцы толпами посѣщаютъ эти храмы, какъ музеи, ярко отражающіе мнущіе времена.

Рисунки, приведенные на этихъ страницахъ, въ нѣкоторой степени ознакомляютъ читателей съ своеобразнымъ характеромъ японскаго творчества. Теперь это творчество начинаетъ погибать такъ же, какъ и старая литература и евангеліе въ состояніи будутъ поддерживать занимающія этимъ лиги консерваторы.

Буддизмъ оставилъ отъ эпохи своего расцвѣта нѣсколько колоссальныхъ статуй, изъ которыхъ самая замѣчательная—Дав-Будда въ Каманурѣ.

Среди рисовыхъ полей и чайныхъ плантацій разбросано, какъ и въ Китаѣ, множество крошечныхъ часовенъ. Это—алтари покровителей земледѣлія, передъ которыми набожные крестьяне молятся о вѣспосланчѣ урожаю.

При японскомъ способѣ обработки, полевая работа занимаетъ значительно болѣе времени, чѣмъ у насъ. Поля похожи скорѣе на огородныя гряды, отдѣланныя съ педантичной аккуратностью и тщательно прополотыя.

Особенно много хлопотъ доставляетъ самое распространенное хлѣбное растение,—рисъ. Для посѣва поля затопляются водой, эти затопленные поля удобряются, а затѣмъ уже идетъ посадка, для чего употребляются не сѣмяна, а уже нѣсколько подросшая рассада.

Мужчины идутъ впереди и съ помощью падошъ продвигаются въ рыхлой почвѣ правильные ряды углублений, а женщины укрѣпляютъ въ каждомъ изъ нихъ по нѣжному росточку.

Ростетъ рисъ тоже въ водѣ, и поля осушаются только ко времени жатвы.

Оригиналенъ способъ уборки. Японцы совершенно не употребляютъ серповъ, а стригутъ колосья ножицами, точно цѣфты на клумбахъ. Благодаря этому колосья, даже перезрѣлые, почти не осыпаются. Конечно, такая исключительная аккуратность возможна лишь при крайней мизерности японскихъ надѣловъ. Остающаяся послѣ уборки хлѣба высокая солома выдерживается съ корнями и идетъ на кормъ скоту, а самые колосья рассыпаются на пшювахъ и, послѣ просушки, разминаются руками для отдѣленія зеренъ. Очищенные зерна просушиваются вторично.

Кромѣ риса, пшеницы и ячменя слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ культурномъ растеніи—о чаѣ.

Его вѣвъ въ Японію въ 805 году нашей эры буддйскій монахъ Деичю Дайси и оказалъ этимъ для страны Восходящаго Солнца лишь немного

меньшую услугу, чѣмъ Фрэнсисъ Дрэкъ, открывшій картофель—для Европы.

Сначала воздѣлываніе чая подвигалось туго, пока, въ XII вѣкѣ, не явился за дѣло другой буддѣйскій монахъ, благодаря которому городъ Уджи сдѣлался центромъ чайныхъ плантацій. Удѣ сохранилъ это положеніе и до сихъ поръ.

Японцы выдѣлываютъ исключительно зеленые сорта чая. Ко вкусу русскихъ потребителей эти сорта не подходятъ, и весь экспортъ направляется почти исключительно въ Америку, достигая довольно крупной цифры 80 миллионъ фунтовъ ежегодно.

Сборъ производится въ апрѣлѣ, маѣ и началѣ юніа. Наиблгчшій сортъ, какъ и въ Китаѣ,—первоборный.

За послѣднее время земледѣліе сдѣлало большіе успѣхи, хотя площадь обрабатываемыхъ полей почти не увеличилась. Гессе-Вартенгъ приводитъ слѣдующія интересныя цифры, по даннымъ послѣднихъ 15 лѣтъ: площадь рисовыхъ полей увеличилась на 8½ проц., а производительность повысилась на 25½ проц.; площадь хлѣбныхъ полей увеличилась на 20%, а производительность—на 58%; производительность же чайныхъ плантацій возросла на довольно круглую сумму въ 240%.

Приоединеніе Формозы дало Японіи еще два новыхъ продукта: сахаръ и камфору. Въ настоящее время импортъ иностраннаго сахара уже почти прекратился.

Изъ минеральныхъ богатствъ страны наибольшаго вниманія заслуживаетъ уголь, этотъ великій двигатель современной обрабатывающей промышленности. Особенно высонихъ сортовъ угля нѣтъ, но и существующіе вполне удовлетворяютъ обыденной надобности. Шире всѣхъ остальныхъ разрабатываются копи на островѣ Кіу-Сіу. За десятилѣтіе 1886—1897 годовъ добыча угля возросла въ три раза.

Сравнительно новую отрасль добывающей промышленности представляютъ желѣзные рудники, такъ какъ до 1894 года Японія поль-

менное положеніе японской промышленности и, удовлетвовавшіе выше приведенными примѣрами, изложимъ остальное въ общихъ чертахъ.

Европейскія промышленныя націи обманулись въ своихъ ожиданіяхъ, когда предполагали найти въ Японіи вѣншій рынокъ, обильно поглощающій ихъ фабрикатъ. Правда, первое время послѣ революціи дѣло шло хорошо и обновляющаяся нація жадно потребляла сдѣланныя для нея необходимыя предметы; но одно изъ первыхъ мѣстъ въ перечнѣ импорта занимали машины, а это обстоятельство современнѣе измѣнило самымъ кореннымъ образомъ положеніе вещей. Японцы захотѣли не только потреблять, но и производить самостоятельно то, что они потребляли. Конечно, на это требовалось время. Не было сырыхъ материаловъ, которые можно было бы подвергнуть обработкѣ на привезенныхъ изъ Европы станкахъ и машинахъ.

Сборъ чая.

дѣлаются исключительно мужчинами. Сыны Восходящаго Солнца говорятъ, что у ихъ женъ очень дурной вкусъ и, поэтому, онѣ не годятся для такого рода работы.

Совершенно своеобразную отрасль промышленности представляетъ производство разнообразнѣйшихъ предметовъ, предназначенныхъ исключительно для европейскаго потребленія и носящихъ по англійски одинъ общій терминъ „japanese curios“. Это все тѣ ширмы, экраны, складные вѣера, картины на деревѣ, бумагѣ и матеріи, занавѣси, шкатулочки, этажерочки, мундашкы, трости и все вообще собраніе „японскихъ рѣдкостей“, за которыя мы платимъ такія солидныя суммы.

Значительное большинство этихъ вещей съемъ не употребляется въ домашнемъ быту японцевъ и является продуктомъ способности этого народа прижиматься къ спросу. Все это на мѣстѣ стоитъ очень дешево, сработано на живую нитку, мало драгично, но притягиваетъ покупателей замѣчательнымъ изиществомъ исполненія.

Дѣйствительныхъ „рѣдкостей“—шедевровъ стараго искусства—японцы продавать на сторону не любятъ и дѣлать ихъ очень дорого. Большинство такъ называемыхъ старинныхъ вещей, продающихся сравнительно недорого—ничто иное, какъ ловкая поддѣлка.

Врожденное качество—изящный вкусъ—ежегодно доставляетъ Японіи миллионы. Но кто имѣетъ японскій альбомъ, украшенный инкрустациями, и обращается съ нимъ не особенно бережно—тотъ, наѣрное, не скажетъ ничего хорошаго о прочности этихъ своеобразныхъ издѣлій.

Чтобы быть дѣйствительно промышленной страной, не достаточно только производить, нужно еще имѣть возможность удобно, дешево и скоро перевезти свои товары.

Какъ прежде, такъ и теперь, наиболѣе удобнымъ и дешевымъ средствомъ грузового сообщенія остается для Японіи море. Всѣ круп-

Японцы во время путешествія по Токкаидо.

Посадка риса.

зовалась исключительно привознымъ желѣзомъ. Однако, съ открытіемъ рудниковъ, мѣстное желѣзо быстро вытѣснило иностранное.

Среди различныхъ отраслей обрабатывающей промышленности одною изъ наиболѣе старыхъ является шелководство.

Японскія шелковыя матеріи, благодаря своей дешевизнѣ, успѣшно конкурируютъ съ китайскими, хотя и уступаютъ послѣднимъ по добротности и качествамъ материала. Впрочемъ, нѣкоторые сорта, какъ напримѣръ, бархатъ и плюшь, выдѣлываются теперь лучше, чѣмъ въ Китаѣ. Больше всего производятъ шелковыхъ матерій провинція Фукуи въ средней части Ниппона, гдѣ уже въ 1894 году работало 12 съ половиной тысячъ веретенъ при томъ же, приблизительно количествѣ работницъ.

Въ 1898 году вывезено шелку на 17 съ половиной миллионъ рублей.

За шелковыми матеріями слѣдуютъ шерстяныя. Это производство возникло въ 1871 году, когда введена была машинная обработка пряжи. Долгое время, однако, Японія не могла удовлетворять требованіямъ своего внутренняго рынка и еще въ 1888 году 31 мил. килограммовъ шерстяной пряжи былъ ввезенъ изъ Англій. Однако, такой превосходный сбытъ радовалъ ланкаширскихъ фабрикантовъ не долго и теперь въ дѣлѣ обработки пряжи Японія почти не зависитъ отъ Европы.

Мы боимся утомлять вниманіе читателей длинными рядами цифръ, иллюстрирующихъ совре-

Это былъ вопросъ времени и только времени Японскіе кустари и ремесленники хорошо усвоили новые приемы работы, преподаанные тѣмъ же промышленными націями, которыя ввозили излишекъ своихъ фабрикатовъ; развѣдки и изслѣдованія, произведенныя въ всеоружіи европейской науки, не замедлили доказать, что „сырого материала“ вполне достаточно.

И цифра импорта неуклонно начала падать, сначала медленно, а затѣмъ все быстрѣе и быстрѣе. Теперь уже нѣтъ надобности даже и въ машинахъ, такъ какъ самая сложная изъ нихъ удовлетворительно производится на мѣстѣ.

Число фабрикъ, въ европейскомъ смыслѣ этого слова, не такъ велико, какъ это можно было бы предполагать по размѣрамъ годовой производительности. Тамъ, гдѣ это было возможно, японцы постарались сохранить свой исконный и привычный кустарный способъ производства, ухитрившійся приспособить его къ новымъ запросамъ.

Развѣрнъ зарплата японскихъ рабочихъ чрезвычайно малъ, дохода, очень часто до прямо таки комичной, на шенъ взглядъ, цифры—10—15 коп. въ сутки. Женщины и дѣти зарабатываютъ и того меньше.

Многія отрасли труда, выполняемая у насъ почти исключительно женщинами, находятся въ Японіи въ нераздѣльномъ владѣніи мужчинъ. Напримѣръ, изящныя ширмы и экраны, которые такъ нравятся европейцамъ красотою рисунка и артистическимъ подборомъ тоновъ, вы-

блѣншіе города расположены, преимущественно, по берегамъ и обширный торговый флотъ успѣшно справляется со своей задачей. Въ 1898 году въ этомъ флотѣ насчитывалось 970 пароходовъ съ общей вместимостью въ 273.000 тоннъ (тонна—62 пуда).

Относительно сухопутныхъ сообщеній дѣло въ прежнее время обостлено плоховато, чему способствовалъ, конечно, гористый рельефъ страны. Изъ этихъ дорогъ слѣдуетъ отмѣтить двѣ: Накаседо и Токкаидо, соединившія столицу микадо Кіото со столицей сіюгуна—Иедо. Токкаидо была выстроена по приказу сіюгуна Іеазу и по этой-то, именно, дорогѣ ежегодно отправлялись къ своему повелителю подвластные даймины.

Въ 1872 году была открыта для движенія первая желѣзнодорожная линія въ 25 верстъ длиной, между Токио и его портомъ Йокотамой. Пять лѣтъ спустя открылась линія Кобе-Осака-Кіото, линія-же Токио-Кіото, идущая параллельно Токкаидо, была закончена только въ 1889 году.

Большинство линій принадлежитъ правительству и даетъ казнѣ болѣе 6% чистой прибыли, хотя грузовыя, въ противоположность европейскимъ дорогамъ, перевозятъ очень мало. Главнѣе движеніе—пассажирское.

Есть желѣзная дорога и на Формозѣ, но она выстроена еще во время китайскаго владычества.

Быстрое развитіе земледѣлія и, главное, промышленности принесло странѣ большіе доходы. Но громадную часть этихъ доходовъ поглотили вооруженія.

До эпохи реформ военную силу ищешь представляли самурай, вооруженные мечом, луками и стрелами, да иногда — плохими кремневыми ружьями. Теперь японская армия по вооружению и выравненью не уступает европейской.

Военный флот представлял собою прежде несколько жалких деревянных джонков, построенных по образцу голландских судов XVII столетия. О составе и численности современного флота наши читатели имеют уже определенное представление, благодаря ряду статей и заметок, касающихся этого вопроса.

Безпрерывные и чрезмерные расходы на флот и армию подрывали благосостояние народов, массы.

И теперь, во время войны, до нас начинают доходить сведения о свирепствующем в Японии голоде.

Оправится ли когда-нибудь страна Восходящего Солнца от вызванного войной разорения — сказать теперь невозможно. Во всяком случае многое и многое из того, что было достигнуто упорным трудом последнего поколения — пойдет на смарку.

Н. С.—.

ской губернии на запад не вывозилось, живые бараны с степных киргизских ярмарок прогонялись до Самары на Волге. Скупщики баранов по мере развития этой торговли старались все глубже и глубже заходить в степь и стали добираться до Балхана и Семиречья; степная ярмарка возникла сначала только на западе, а потом стали появляться и на востоке. Кроме тайчакской ярмарки, другая, такая же крупная, бывает в каркарлинском уезде, в урочище Куланды. Прикащики, отправляющиеся в степь для закупки баранов, за-

на юговосточной границе Монголии, неизвестно. На сферозападной окраине киргизской степи главная забойка производилась прежде в Петропавловск, Стерлитамак и Самару, но кроме того сотни мелких боен были устроены по всей линии от Петропавловска до Самары. Эта линия была такая же колоссальная бойня скота, как Буэнос-Айресская в южной Америке.

Там же, где группировались бараньи боины, были устроены и салотопни. Главный интерес в торговле баранами для западного рынка заключался не в бараньем мясе, а в бараньем салте. Поэтому заводчики не тратили времени и труда на тщательное отделение мяса от сала; снимая с убитого барана шкуру, они кидали тушку с костями и мясом в салотопный котел; сало вытравливалось из тушкет, после чего тушки вынимались из котла и выбрасывались в степь. Много жуткого было для человеческого чувства в этой „жировой операции“. Эти бараны, которые служат перевозочными средствами для доставления собственного сала из глубины степей на салотопные заводы, это сало, которое одно только составляет ценность в живом бараньем теле, сало, ради которого исключительно убивается столько миллионов баранов, все это должно ослабить человечность в постоянном наблюдателе этих картин.

С проведением железной дороги и с появлением в технических производствах суррогатов в жировой операции должны были произойти большие изменения. Они будут, конечно, выяснены экспедициями статистического исследования обслуживаемых железною дорогой районов, которое с нынешнего года принимается коммерческою частью управления сибирской железной дороги. Но и теперь уже известно, что с проведением дороги для сибирского мяса открылись более западные рынки, чем пермская губерния. Количество вывозимого мяса, истронно, сравнительно с прошлым, увеличилось.

За последнее трехлетие 1901—1903 года было погружено мяса на выдающихся по количеству его погрузки станциях желанной дороги:

В 1901, 1902, 1903 г.
Тысячи пудов.

Мишкино . . .	114 149 134
Кургань . . .	404 290 274
Микушино . . .	153 109 121
Петропавлов . . .	707 458 432
Омск . . .	249 89 106
Татарка . . .	103 37 35
Обь . . .	216 147 114

А по всей линии от Челябинска до Оби было погружено мяса:

в 1901 г.	2,587,000 п.
„ 1902 г.	1,653,000 п.
„ 1903 г.	1,708,000 п.

Г. П.

Удачная охота.

Рассказ.

Титулярному советнику Залогину было не по себе.

Он уже несколько часов бродил по тайге, сбиваясь с намеченного направления, возвращаясь иногда на то же место, откуда вышел, теряясь в бесплодных догадках и соображениях, и все так, никак не мог найти настоящей дороги.

Это было глупо, смешно и отчасти страшно, потому что день уже кончался и яркий солнечный диск спрятался за деревьями.

У Залогина болтали ноги, охотничья куртка изорвалась в нескольких местах, а в желудке ныло и от тоски, и от голода. Кроме того, ему было совестно, что товарищи поднимут его на смех, когда узнают, что он пробрал несколько часов на положении Робинзона.

Всех компаньонов было шестеро, и все они воспользовались двумя праздничными днями, чтобы съездить на охоту.

Камакурокой Будда.

возять с собою в степь пастухов из русских крестьян, так называемых баранников, которые умели гнать баранов так искусно, что животные не только не топают от дороги, но еще нагуливают жир. На каждый гурт полагается по три баранника; один

Жировые ярмарки в западной Сибири.

Сибирь поставила сырьем для запада. Восточная Сибирь отправляет на Запад пушнину, кости мамонта и золота, а Западная — продукты земледелия и скотоводства, хлеб, шкуру, шерсть, сало, масло и мясо. Вывоз жировых товаров и других продуктов скотоводства почему-то вдруг усилился в половине прошлого столетия; в это время по всему югу тобольской губернии возникли многочисленные жировые ярмарки, среди которых самыми выдающимися были Крестовская в г. Шадринск и Никольская зима в г. Ишим; оборот каждой достигал до 4 миллионов рублей. В тобольской губернии за то же время, т. е. в 50-х годах прошлого столетия было всего только две ярмарки, но впоследствии и здесь число ярмарок умножилось.

Самую необычайную картину на этих жировых ярмарках представляли те участки ярмарочной площадки, которые отведены для продажи мяса. Тут длинные фаланги из туш рогатого скота сменяются не менее длинными фалангами свиных или бараньих туш. У нас нет под руками фотографического снимка с картин ишимской ярмарки, но из которого понятие о подобных картинках могут дать помещаемые нами фотографические снимки курганского фотографа г. Кочешова, сделанные им на рождественской ярмарке в городе Кургане.

„Начало жировой операции“, говорит одна брошюра об ишимской ярмарке, „дало не мало за предьями тобольской губернии, на так называемой тайчакской ярмарке“ которая бывает в июле месяце к югу от города Петропавловска. На эту ярмарку киргизы пригоняют десятки тысяч крупного рогатого скота и более полумиллиона баранов. Эта ярмарка представляет своеобразную картину: на центральном пункте своего склада мануфактурных товаров; живой товар, т. е. скот, зашамкает вокруг этого центра огромную площадку почти в сто верст в поперечник. В конце октября производится массовая забойка пуляного здесь скота; часть этого скота, — до ста тысяч баранов и до десяти тысяч голов крупного скота, — убивается на бойнях города Петропавловска, и мясо и сало отправляется на ишимскую ярмарку.

До проведения сибирской железной дороги мясо с жировых ярмарок тобольской губернии шло только на уральские заводы и далее пер-

Мясная Рождественская ярмарка в Кургане.

идет впереди гурта, два других сади. Бараны идут в своем обычном походе по рядке. Впереди гурта движется фронт передовых баранов, который имеет вид дуги, концы которой загнуты назад.

Остальная часть гурта бредет в беспорядке внутри этого полуколла передовиков. В течение лета по всей степи гнают эти бараньи стада с востока на запад. Местность, где берет начало этот барань поток, находится к востоку от озера Зайсана, около самых вершин Черного Иртыша; к востоку отсюда лежит хобдский округ Монголии; отсюда движение баранов направляется уже на восток, и в Монголии та же картина, что и в киргизской степи; и здесь в течение лета один стада баранов движутся за другими, только движутся они тылом к стадам киргизских баранов; и здесь также за баранами плетутся итхеходы баранщины, только это не русские, а китайские крестьяне; как на западе путь баранов ширится в окрину обьеданного населения, в города Петропавловск, Стерлитамак и Самару, так и здесь бараны доходят до западного Китая, до городов Гуйхуачена и Калана.

Где производится массовая забойка баранов на северной окраине Китая или, иначе сказать,

* Ишимов, Очерк ишимской ярмарки, Том. 1895

Охота вообще пользовалась большим почетом и уважением в той канцелярии, где служил Залогинь. Различных охотничьих журналов получалось, в общей сложности, экземпляров двадцать; начальник отделе был председателем охотничьего общества, сам Залогинь — казначеем, а почти все остальные, не исключая престарелого архивариуса, такого же пыльного и желтого, как документы, которые он сберегал — действительными членами.

У начальника в кабинете висели великолпные начальные рога, а под ногами, у письменного стола, лежала медведья шкура — его полюбые трофеи. У Залогина трофеев не было, так как он охотился, преимущественно, на мелкую дичь, которая не идет дальше обеденного стола. Вообще особенно удачным стрелком он не имевший основания считаться, но, тем не менее, любил благородное охотничье искусство искренно и безорыбно.

И когда сегодня, послѣ завтрака, его товарищи улеглись на заимки спать, — Залогинь вознегодовав от всей души и заявил протест. — Это, господа, ни на что не похоже! Вы спятеся мы и дома успеем... Такая великолпная погода — и вдруг мы будем укутывать золотая минуты... Вы — как хотите, а я пойду.

Товарищи, вбродно, ибсколькко устыдились, но сматный завтрак подбйствовал на них слншком сильно, чтобы они могли особенно близко принять к сердцу горячую филиппику Залогина.

Обиженный казначей сплснул собаку, но та, зараженная духом общен бездйательности, так основательно забилась под крылечко, что ее никак нельзя было вызвать. Тогда казначей окончательно обдйлся и ушел одинокой и мрачной, как Агасферт.

Кругом заимочных построек дбсокь был рденый и жидкий. Дальше пошли отдйльные густые колки, а версты за дѣ начиналась уже настоящая, густая и дремучая тайга, въ достаточной степени изобилывавшая дичью.

Вь обыкновенное время и въ обыкновенном настроеннн духа Залогинь не добил заходить слшком далеко, что бы не нарваться невзначай на медвйа или на какого-нибудь другого, стольже неприятного, дбсного обывателя. Если позди переставали слышаться голоса и перекликанья дружных охотников, он скромно отступал, предоставляя опасность риска тѣм, кто менѣе дорожил своим здоровьем и своим обезпеченным положением.

— Зайчики, куроточки... Это, вотъ, самое настоящее дбло! — сообщал он сосуживцам свои взгляды. — А для крупного звѣря, знаестели, своя снаровка нужна. Каждый по своей части специалист. Кроме того, у меня и тѣло слабое. Иной может съ голыми руками въ единоборство съ медвйем вступить, а я куда же?

И сегодня когда Залогинь зашел, сторяча, въ тайгу, имь съ самаго начала овладѣла ибкоторая робость. О близости медвйа, правда, на заимки ничего не слышали, но вѣдь онь могъ и безъ особаго доклада вникать.

Хвойный лѣсъ, мѣстами перемежающийся съ осинникомъ, выглядѣлъ какъ-то особенно пустынно. Даже птицъ не было слышно и въ воздухѣ стоило только тихо, невнятное гудѣние, которымъ всегда отягивается лѣсъ даже на самый маленький вѣтерокъ.

— Сдѣлаю одинъ маленький кругъ, — подумалъ казначей, — и вернусь опять къ оушкѣ.

Кругъ онь сдѣлалъ, но къ оушкѣ ему не удалось вернуться такъ скоро, какъ онь хотѣлъ. На серединѣ дороги его внимание привлекъ большущий, старый глухарь, тяжело вспорхнувший съ высокаго кедра и сѣвшнй опять сажень за тридцать въ сторону. Залогинь началъ подходить на вѣрныи выстрѣлъ, но непосѣдливый глухарь опять вспорхнулъ и опять опустился неподалеку. Такая исторя повторялась раза три, пока, наконецъ, Залогину не удалось выстрѣлить.

Раненный глухарь съ видимымъ трудомъ полетѣлъ надъ самой землей. Въ воздухѣ закружилась ибсколькко перьевъ. Охотника обуявъ азартъ и онь дробной рысью пустился слѣдомъ за своей ускользавшей жертвой. По всей вбродности, глухарю пришлось бы фигурировать на столѣ титулярнаго совѣтника въ качествѣ жаркого, если бы не помѣшалъ паукъ, раскинувшнй на пути Залогина большую и замѣчательно плотную паутину.

Залогинь ткнулся вспотѣвшимъ лицомъ прямо въ тенета и это вызвало ибкоторое замѣшательство, которымъ воспользовался глухарь для временнаго сохраненнй своего брениаго существованнй. Дичь улетѣла, а охотникъ заблудился.

Когда онь постигъ эту печальную истину, то совершенно растерялся. Сначала ему показалось, что нужно идти направо; потомъ онь внезапно пришесть къ противоположному заключенно и поспѣшилъ повернуть налево.

Собственно говоря, онь совершенно не зналъ, въ какомъ направленин находится заимка. Одно время ему казалось, что когда онь шелъ впе-

перекрестился, чтобы отвратить отъ себя дурное предназначенно. Богъ съ нимъ... съ зайцами... Еще медвйа наслышешь выстрѣломъ. И придется съ Михайломъ Ивановичемъ въ единоборство вступить.

Часа черезъ три безплодной ходьбы у казначей начали подламываться ноги. Тогда онь съль подъ деревомъ на толстай, мягкнй слой прошлдогдней хвои и грустно задумался.

Никогда еще не приходилось ему быть въ такомъ свкерномъ и безвыходномъ положеннн. При одной мысли о возможности провести ночь въ дѣбу, у него пробуждалъ холодъ по спннѣ, а подъ колѣнками чувствовалось неприятное дрожанне. Онь, наконецъ, и спать прямо на землѣ совѣмъ не умѣетъ.

Казначей вспомнилъ уютный кабинетъ, мягкая постель, жена, дѣти. Жена, вбродно, сидитъ дома и не предполагаетъ, въ какую дбду попадетъ ее мужъ. А онь, можетъ быть, останется навсегда въ этой проклятой тайгѣ и умереть гдѣ-нибудь подъ кустикомъ, голодный и безпрнютный. Для человека съ опредѣленнымъ общественнымъ положениемъ — и вдругъ, такая позорная кончина.

Залогинь вынулъ изъ кармана платокъ и обтеръ заплаканные глаза. Но слезы опять потекли и крупными росинками повисли на бородѣ.

Далеко, далеко какой-то звукъ отозвался слабымъ эхо. Не то выстрѣлъ, не то просто упалъ подгнившнй стволъ. Залогинь вдрогнулъ и восторожился.

Кто это выстрѣлилъ? Можетъ быть, товарищи, а можетъ быть... Мало ли какой народъ шлется по тайгѣ? Разные бродяги, котелочники... Изъ за полтинника человека удуть готовы.

Ходить было страшно, но сидѣть еще страшнѣе. При неподвижномъ созерцаннн тишина дбса казалась болѣе мрачной, безжизненной и, вмѣстѣ съ тѣмъ, угрожающей. Подождать, когда немного отдохнутъ ноги, Залогинь всталъ и опять началъ бродить по дѣбу, каждую минуту то загорааясь надеждой, то впадая въ самое мрачное уныние.

Солнце опускалось все ниже, а къ чувству тоски все ошутительнѣе присоединялся голодь. Во рту пересохло, ноги нестерпимо выли, поясница отнималась, а ружье казалось немощно тяжелымъ.

Ружье было хорошее, дорогое, но ибкоторое время Залогинь серьезно подумалъ — не бросить ли его? Очень ужь оно мѣшало при ходьбѣ, въ соединеннн съ патронашемъ и прочими охотничьими принадлежностями. Потомъ благоразумно ваяло вверхъ.

— Хоть и дробовикъ, а все таки защита... На близкомъ разстояннй очень даже опасную рану нанести можетъ.

Передъ закатомъ солнца у Залогина сдѣлалось ибчто вродѣ бреда. Мерещились то голода сосуживцы, то вкусный обѣдъ. Одинъ разъ такъ ошутительно запахло телячьими котлетами съ горошкомъ, что казначей невольно облизнулся.

Онь начиналъ все болѣе и болѣе приходить къ убѣжденно, что въ самомъ непродолжительномъ времени его постигнетъ прискорбный конецъ. Или медвйа задеретъ, или бродяга подстрѣлитъ, или, просто, голодь и жажда истощатъ послѣдннй силы.

Чувства понемногу притуплялись. Даже горячее желанне вырваться изъ тайги на желанную оушку принимало форму какого-то безсознательнаго, инстинктивнаго стремленнй.

Николай Степнякъ.

(Продолженне будетъ).

Мясная Рождественская ярмарка въ Курганѣ.

редь, солнце пришло кь его спину, а потомъ вдругъ вспомнилось, что это самое солнце свѣтитъ, какъ будто, прямо въ глаза.

— По солнцу, говорятъ, дорогу можно находить... Чорта съ дѣ! — негодовала казначей. — Это, вбродно, одни дикари такой способностью обладають.

Потомъ ему вспомнилъ еще одна примѣта, вычитанная въ охотничьемъ календарѣ: на сѣверной сторонѣ у деревьевъ мохъ гуще растетъ. Залогинь внимательно осмотрѣлъ дѣвѣтри сосны, даже пальцемъ ихъ поковырялъ, и вдругъ сообразилъ, что и эта примѣта тоже ни къ чему не приведетъ. Тогда онь попросту началъ бродить взадъ и впередъ, тревожно выдвигая и озираясь при каждомъ дбсномъ шорохѣ.

Тутъ, совѣмъ близко, должна быть эта оушка. Вотъ, кажется, пройти десятка четыре шаговъ по направлению къ тому сухому дереву съ расщепившейся, обугленной верхнкой, — и дальше непроницаемая стѣна угрюмыхъ стволовъ разорвется и покажется свѣтлая, веселая полянка. Но сухое дерево оставалось позади, а полянки не было.

— Глупо... недѣло... возмутительно! — бормоталъ Залогинь, искренно негодуя на свое собственное увлеченне. — Вѣдь надо же было такое мальчишество устроить!

Сосуживцы — охотники, конечно, еще спяте и долго, — до самаго вечера, пожалуй, — не обезпоятся исчезновениемъ товарища. Подумаютъ, что увлекся хорошимъ выводкомъ, да и только.

А ужь какой тутъ выводокъ. Когда Залогину перекрестъ дороги перебѣжалъ зайць, онь только

пересохло, ноги нестерпимо выли, поясница отнималась, а ружье казалось немощно тяжелымъ.

Ружье было хорошее, дорогое, но ибкоторое время Залогинь серьезно подумалъ — не бросить ли его? Очень ужь оно мѣшало при ходьбѣ, въ соединеннн съ патронашемъ и прочими охотничьими принадлежностями. Потомъ благоразумно ваяло вверхъ.

— Хоть и дробовикъ, а все таки защита... На близкомъ разстояннй очень даже опасную рану нанести можетъ.

Передъ закатомъ солнца у Залогина сдѣлалось ибчто вродѣ бреда. Мерещились то голода сосуживцы, то вкусный обѣдъ. Одинъ разъ такъ ошутительно запахло телячьими котлетами съ горошкомъ, что казначей невольно облизнулся.

Онь начиналъ все болѣе и болѣе приходить къ убѣжденно, что въ самомъ непродолжительномъ времени его постигнетъ прискорбный конецъ. Или медвйа задеретъ, или бродяга подстрѣлитъ, или, просто, голодь и жажда истощатъ послѣдннй силы.

Чувства понемногу притуплялись. Даже горячее желанне вырваться изъ тайги на желанную оушку принимало форму какого-то безсознательнаго, инстинктивнаго стремленнй.

Николай Степнякъ.

(Продолженне будетъ).

Редакторъ-Издатель П. Макушинъ.

Паровая типо-литографія П. И. Макушина.